

Розалинда Нейкер
**НЕЖДАННАЯ
ГОСТЬЯ**

VISITOR

Розалинда Лейкер

Нежданная гостья

OCR Roland; SpellCheck Zirochka
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158570

Нежданная гостья: Русич; Смоленск; 1995

ISBN 5-88590-228-3

Аннотация

Действие нового романа Розалинды Лейкер происходит во Франции второй половины прошлого века. Главным героям – Розелле Иствуд и Филиппу Оберу – приходится преодолевать на своем пути к счастью многие трудности и испытания. Увлекательный сюжет, занимательная фабула, яркие запоминающиеся образы действующих лиц несомненно заинтересуют поклонников творчества популярной американской писательницы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	41
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Розалинда Лейкер

Нежданная гостья

Глава 1

Розелла Иствуд закрыла за собой дверь и, шурша нижними юбками, прошла через заставленную мебелью гостиную к окну. Письмо, которое она открывала на ходу, принесли с послеобеденной почтой. Оно было в пути довольно долго, но Мартиника слишком далеко от Кента, а корабли часто задерживаются из-за штормов и других непредвиденных обстоятельств. Пальцы Розеллы нетерпеливо развернули листы, исписанные элегантным, но слегка неровным почерком пожилого опекуна-француза. Девушка присела на краешек стула и углубилась в чтение.

Солнечные лучи, проникавшие сквозь кружевные занавеси, словно набросили на нее пелерину из паутины, оставляя причудливые тени на платье и ярко освещая блестящие волосы цвета пшеницы, заплетенные в тяжелые косы и уложенные вокруг изящной головки. Розелла была молода, гибка и стройна. Всей душой она тянулась навстречу жизни, отчаянно стремясь вырваться за пределы женской школы для дочерей знатных дворянских семей, в которой томилась уже слишком долго. Девушка в глубине души надеялась,

что письмо содержит положительный ответ на нетерпеливую мольбу о свободе, посланную ею Андрэ Каделю. В своем послании Розелла напоминала опекуну, что со времени его последнего визита в Европу прошло три года, и она выросла, превратившись из ребенка в молодую женщину.

Письмо начиналось с горького комментария ее фразы о быстротечности жизни. Опекун писал, что болезненно ощущает сей печальный факт. Ежедневно на протяжении последних восемнадцати месяцев он убеждается, что климат острова все меньше подходит стареющему мужчине. Давно пора сменить обстановку. К тому же, необходимо посетить парижских врачей. Без сомнения, его пребывание за границей заканчивается, и самое время обдумать и устроить ее будущее, поэтому он заказал билет на пароход, отплывающий в Европу в конце месяца.

Затаив дыхание от восторга, Розелла дочитала до конца и откинулась на спинку стула. Довольная и счастливая, девушка глубоко вздохнула и устремила невидящий взор за окно на зеленую лужайку и цветущий фруктовый сад. Она встретится со своим опекуном Андрэ Каделем в гранд-отеле «Лувр» на улице Риволи, где он всегда останавливался, приезжая во Францию. Розелла была уверена в этом, потому что в прошлый раз проводила там каникулы. Андрэ Кадель не давал никаких обещаний, но казалось почти решенным, что он купит в Париже дом, где поселится вместе с ней. Думая, девушка закрыла глаза, прижав к груди письмо. Наконец-то

у нее появится настоящий дом. Об этом она постоянно мечтала. И дом в городе, который всегда очаровывал ее.

Скрип двери заставил девушку открыть глаза и сесть прямо.

— Ах вот вы где, мисс Розелла! — воскликнула юная служанка, мягко, на кентский манер, произнося слова. — Я искала вас повсюду! Мадам Делагранже ждет вас в своем кабинете.

— Спасибо, Люси.

Розелла встала. Она не удивилась вызову, подумав, что директриса тоже получила письмо от Андрэ Каделя.

Строгие правила школы требовали, чтобы воспитанницы в любой ситуации говорили по-французски, а так как разговоры со слугами, большинство из которых были уроженцами этих мест, запрещались, в пансионе весьма редко слышалась английская речь, разве что вам взбрело бы в голову подслушать болтовню садовников или обрывки сплетен замешкавшихся под лестницей горничных.

Мадам Делагранже, практичная, умная француженка, в молодости была гувернанткой детей неприметного придворного императрицы Евгении. Она оказалась достаточно мудра, чтобы предвидеть перевероты, потрясшие Францию, и, переправившись через Ла-Манш, открыть школу в Кенте. Преподавательский коллектив пансиона состоял из обедневших, но знатных соотечественниц директрисы, которым она доверила воспитание своих английских учениц. Список же-

лающих поступить в школу всегда радовал хозяйку. Дочерям преуспевающей знати не требовалась академическая подготовка. Мадам Делагранж давала благородным девицам шанс прекрасно овладеть французским языком и получить изысканный парижский акцент – по общественным меркам весьма ценные качества, значительно повышающие возможности незамужних барышень удачно выйти замуж. Когда императрица-изгнанница поселилась в Кенте, недалеко от пансиона, ловкая француженка успешно приобрела королевское покровительство, вот почему цены за обучение в ее заведении поднялись еще выше.

С раннего детства Розелла находилась под неусыпной заботой мадам Делагранж и выросла, свободно владея двумя языками. Если бы школа не была такой престижной, Андрэ Кадель отдал бы свою подопечную в какое-нибудь учебное заведение во Франции вместо того, чтобы оставить ее в родной стране.

У Розеллы не было близких родственников. Отец-англичанин умер до ее рождения, а мать последовала в могилу за любимым супругом спустя всего несколько недель после трудных, осложненных родов. Поэтому Андрэ Каделю, дальнему родственнику ее матери, который жил в белом особняке на Мартинике, откуда и управлял собственными сахарными плантациями, пришлось проехать полмира, чтобы убедиться, что осиротевшая малютка отдана в хорошие руки, вырастет и получит воспитание в подобающей среде.

С тех пор Андрэ Кадель появлялся и исчезал в жизни Розеллы, принося с собой восхитительный аромат сигар, одеколona и накрахмаленных сорочек. Его шевелюра и козлиная бородка были усыпаны сединой, а бронзовое от загара лицо сурово и не улыбочиво. Любовь Розеллы к нему, хотя и смешанная с уважением и большой долей благоговейного страха, всегда оставалась глубокой и искренней, ведь он олицетворял все, что она когда-либо знала о семье.

Спеша по коридору, ведущему к кабинету директрисы, Розелла встретила со стайкой младших девочек, высыпавших из швейного класса. Прежде чем продолжить свой путь, она похвалила одну из них за только что законченную вышивку. В свои семнадцать Розелла была среднего роста, с тонкой талией, подчеркивающей изящество стройной фигуры. На красивом лице особое внимание привлекали глаза темного янтаря, сверкавшие золотистыми огоньками, и всегда готовые улыбнуться губы.

Девушка подошла к двери кабинета и постучала. Мадам Делагранже величественно прямо восседала за письменным столом, держа в руке очки в золотой оправе. Ее пышную грудь обтягивал плотный шелк лилового цвета, высокий ворот блузки украшала великолепная камея. Директрису нельзя было назвать непривлекательной женщиной. Единственная серебристая прядь среди черных волос даже придавала особую элегантность строгой прическе. Все ее движения казались сдержанными и величавыми, ведь умение достойно

держат себя – немаловажное качество для директрисы и, конечно, ее учениц.

На столе лежало открытое письмо, без сомнения, от Ан-дрэ Каделя.

– Добрый день, мадам. – Розелла сделала вежливый реверанс.

Мадам Делагранже приняла приветствие и взмахом очков указала на стул.

– Садись, Розелла. Судя по письму в твоей руке, ты тоже получила новости, которыми я собиралась поделиться с тобой.

– Да, мадам, – радостно произнесла девушка, присаживаясь напротив директрисы.

– Значит, ты, наконец, намерена покинуть нас. Мадам Делагранже ласково взглянула на Розеллу. По ее мнению, девушке давно следовало выпорхнуть в мир, хотя ей самой и будет недоставать помощи Розеллы в обучении младших детей музыке и пению. Последние полтора года Розелла занималась с воспитанницами, так как освоила все премудрости, которым учили ее наставницы.

Мадам не боялась за будущее девушки. Месье Кадель – настоящий джентльмен старой Франции, и она была убеждена, что он введет свою подопечную в лучшее парижское общество. За все эти годы директриса хорошо узнала опекуна Розеллы, ведь несмотря на то, что в Париж девочку всегда сопровождала одна из воспитательниц, он не считал за

труд лично вернуть ребенка в пансион. За стаканчиком вина в ее кабинете месье Кадель расспрашивал об успехах девочки, довольный отличными результатами.

— Вы всегда очень хорошо относились ко мне, мадам, — сказала Розелла. — И в пансионе я была счастлива, насколько это возможно при подобных обстоятельствах. Но я действительно переполнена радостью от мысли, что встречусь со своим опекуном в Париже. Последние недели во мне росло предчувствие... — здесь ее голос задрожал, она боялась высказать страшные опасения, — что я никогда не увижу его снова.

— Глупая девчонка! — Надев очки, мадам Делагранже взглянула на раскрытое перед ней письмо. — Теперь давай посмотрим, какие приготовления необходимо сделать. Меесье Кадель желает, чтобы, как и прежде, тебя сопровождали до Парижа. Карета из отеля «Лувр» будет ждать тебя в Кале. — Она подняла глаза и улыбнулась. — Думаю, мадемуазель Дюпон сможет освободиться на несколько дней, чтобы составить тебе компанию.

Однако мадемуазель Дюпон пришлось отказаться от поездки в родную Францию. Неизвестный вирус гриппа уложил в постель многих воспитательниц и больше половины учениц. Хотя болезнь оказалась весьма быстротечна, всем требовалось несколько дней для восстановления сил. Розелла, которая помогала ухаживать за больными, на свое счастье избежала инфекции, но мадемуазель Дюпон была не столь

удачлива и в назначенный для отъезда день не могла отправиться в путешествие. Не нашлось и никого другого, способного перенести длительную поездку. Если бы мадам Делагранже и сама не заразилась, она никогда бы не позволила Розелле одной уехать в Париж. Но ее голова раскалывалась от боли, а тело ломило от высокой температуры, поэтому она даже не смогла выразить решительный протест. Когда за девушкой, бывшей на ее попечении с раннего детства, закрылась дверь, мадам Делагранже истово помолилась за благополучную дорогу выпускницы.

Розелла почувствовала себя свободной. Путешествие без довольно скучной мадемуазель Дюпон не могло бы прийтись и в самом смелом сне. Она наслаждалась, самостоятельно занимаясь покупкой билетов и оформлением документов, внимательно вникала в каждый вопрос. С пролива дул сильный ветер, и переправа на паровом пароме обещала быть нелегкой, но услужливый стюард нашел для Розеллы место в защищенном от непогоды уголке и укрыл колени теплым пледом. Девушка бросила последний взгляд на удаляющиеся скалы Дувра и повернула голову, всматриваясь в серую линию, которая неясно вырисовывалась на горизонте. Это была земля Франции.

Месье Кадель распорядился, чтобы в Кале ее ждали два одетых в униформу лакея и запряженная четверкой лошадей карета. Розелле помогли устроиться на удобных подушках и затем погрузили ее небольшой багаж. Она везла с собой со-

всем мало одежды, так как опекун написал, что ей предстоит полностью обновить гардероб. Это щедрое предложение девушка восприняла как очередное подтверждение тому, что он разрешит ей поселиться вместе с ним в Париже.

Под стук копыт и поскрипывание колес экипаж двинулся вперед по выложенным булыжником мостовым Кале. Розелла откинулась назад, приготовившись к долгому путешествию, которое продлится остаток дня и всю ночь. Мысленно она унеслась к предстоящей встрече с меье Каделем. Девушка сгорала от нетерпения увидеться с ним и окунуться в новую жизнь в Париже.

Остановок в пути было немного. Розелла спала всю ночь, проснувшись только однажды, когда меняли лошадей. Она окончательно пробудилась сразу после рассвета, сгорая от нетерпения скорее въехать в Париж.

Хотя утро было пасмурным и хмурым, это не омрачило ее приподнятого настроения. А когда ближе к полудню облака рассеялись и она смогла увидеть Триумфальную арку и ветряные мельницы на холме Монмартр, ее радость не знала границ.

Они сделали короткую остановку на таможне, где офицер проверил багаж. Когда он убедился, что Розелле не нужно платить налоги за ввозимые в Париж товары, карета снова тронулась в путь.

Все было до боли знакомо. Белые оштукатуренные дома, богатые и поскромнее, с выцветшими на солнце ставня-

ми. Великолепие бульваров, окаймленных деревьями с молодой зеленой листвой, за которыми виднелись роскошные особняки. Магазины и кафе, кишашие нарядно одетыми людьми. Нескончаемый поток транспорта: кабриолеты, двухколесные экипажи, открытые ландо и почтовые кареты вперемишку с автобусами, трамваями на конной тяге и торговыми повозками всех видов. Скрип колес и стук копыт смешивался с криками уличных торговцев. Яркие пятна красок цветочных корзин в руках молоденьких продавщиц или устроившихся на ступеньках старушек.

Розелла нетерпеливо начала искать глазами отель «Лувр», как только карета свернула на улицу Риволи. А вот и он, напротив великолепного дворца, которому все же не удалось затмить его своей красотой. Фасад отеля украшали колонны и кариатиды¹, придававшие величественность и торжественность всему зданию.

Кучер остановил экипаж прямо перед лестницей, ведущей ко входу в гостиницу. Розелла едва дождалась, пока откроется дверца кареты. Она постаралась спуститься как можно изящнее, не показав окружающим ни сантиметра лодыжки, так что мадам Делагранже похвалила бы ее манеры, и взбежала вверх по мраморным ступеням, сгорая от радости и нетерпения.

Девушка вошла в отделанный в алых и золотистых тонах

¹ Кариатиды – вертикальные опоры в виде женских фигур, поддерживающие балочное перекрытие (прим. редактора).

холл и быстро осмотрелась, надеясь увидеть знакомую фигуру в шляпе и сюртуке. Опекун поднимется ей навстречу из одного из обитых плюшем кресел, притаившихся за кадками с пальмами. Однако среди снующих туда-сюда людей его не было. Все еще оглядываясь, Розелла нерешительно направилась через выложенный мрамором зал к стойке портье. Там ее поприветствовал дежурный клерк.

– Здравствуйте, мадемуазель.

Его волосы были зализаны назад, а дыхание отдавало легким запахом табака, который он пытался перебить фиалковой пастилкой.

Она назвала свое имя.

– Номер для меня заказан месье Андрэ Каделем. Он ожидает меня. Будьте любезны, передайте ему, что я уже здесь.

– Конечно, мадемуазель. – Портье просмотрел список бронированных мест. – Два номера были заказаны в письме с Мартиники, и они готовы. Но месье Кадель еще не прибыл.

Розелла с тревогой уставилась на невозмутимое лицо собеседника. По ее спине пробежал холодок дурного предчувствия.

– И для меня нет никакого сообщения? – взволнованно спросила она. – Или письма?

– Абсолютно ничего, мадемуазель. – Он пододвинул к ней регистрационную книгу и протянул перьевую ручку. – Если вы поставите свою подпись, я прикажу провести вас в заказанные апартаменты.

Вперед вышел помощник портье и, незаметно щелкнув пальцами носильщикам, любезно указал девушке путь к широкой лестнице. Поднявшись до половины, Розелла остановилась, затянутая в перчатку рука замерла на отполированных перилах. В тщетной надежде юная путешественница оглянулась на входящих через стеклянные двери новых гостей, думая, что какая бы причина не задержала ее опекуна, он вот-вот приедет и войдет в холл. Но его не было среди шумной толпы.

Она уже собиралась продолжить подъем по лестнице, когда ее скользкий взор наткнулся на высокого, хорошо одетого мужчину, который зажигал сигару, отвернувшись от стойки портье. Из-за широких полей шляпы невозможно было рассмотреть его лицо. Совершенно безотчетно Розелла отметила рост и изящное телосложение незнакомца. Он обладал вялой грацией мускулистого атлета, которая наверняка позволяет ему прекрасно чувствовать себя и в седле, и под парусом яхты. В следующее мгновение девушка бы отвернулась, но, потушив спичку, он случайно поднял голову. Темные, необычайно пронзительные глаза встретились с ее глазами, словно нанося сокрушительный удар. И это мимолетно увиденное решительное лицо с квадратным подбородком, прямым носом с волевым изгибом тонких ноздрей и большим ртом, язвительным, упрямым, чувственным, который уже скривился в оскорбительно-вызывающей улыбке, навсегда осталось в памяти девушки. Розелла поспешно от-

вела взгляд и двинулась вверх, она знала, что незнакомец все еще наблюдает за ней сквозь клубящийся дым сигары. Она решительно преодолела искушение обернуться.

Никогда прежде Розелла не занимала таких роскошных апартаментов. Это служило лишним доказательством того, что опекун осознает произошедшее за время его отсутствия превращение маленькой воспитанницы в женщину. Горничная собиралась немедленно распаковать багаж, но Розелле хотелось остаться одной, и она отослала служанку на полчаса. Незвестно от чего ее душа возликовала. В любую минуту может прийти посыльный с известием о прибытии Андрэ Кадея. Должно быть, его корабль где-то задержался. Или дорога от Марсея заняла больше времени, чем он предполагал. Очень скоро она получит простое объяснение. В этом нет никаких сомнений.

Развязав под подбородком ленты, Розелла отбросила в сторону маленькую шелковую шляпку. Девушка подошла к ведущим на балкон стеклянным дверям, нажала на ручки и распахнула белые створки. На нее обрушился поток солнечных лучей, а шум весеннего Парижа наполнил комнату радостной симфонией нестройных звуков. Розелла почувствовала, что стоит на пороге прекрасного приключения. Все должно вот-вот начаться. Даже любовь поджидает ее где-то среди светотеней этого восхитительного города.

Она оперлась на каменный парапет и посмотрела на раскинувшийся внизу бульвар.

Незнакомец из холла направлялся к открытому ландо, поданному к ступеням отеля. Она увидела, как он уселся и положил ногу на ногу. Возможно, почувствовав ее взгляд, молодой человек быстро поднял голову, и Розелла снова встретилась с его вызывающими глазами. Затянутая в перчатку рука поспешно приподняла шляпу, но девушка немедленно кинулась в комнату и захлопнула двери. Тем не менее, она подкралась к окну и наблюдала, как запряженное породистыми лошадьми ландо покатилося в направлении улицы Сант-Оноре.

На губах Розеллы играла легкая улыбка. Это небольшое происшествие разбудило живые воспоминания еще об одном человеке. О человеке, совсем не похожем на незнакомца с театральной внешностью. О том, кто занимал особое место в ее сердце, кого она встретила вместе с опекуном во время каникул во Франции очень давно. Тогда он был красивым юношей, а теперь ему, должно быть, около двадцати четырех. Розелла произнесла его имя вслух. Себастьян де Луимонт.

Но звук собственного голоса всколыхнул и другие воспоминания, темные и гнетущие, затмившие короткий миг счастья, познанный ею рядом с Себастьяном. Девушка вздрогнула, против воли воскресив в памяти серый замок, который ей никогда не хотелось бы увидеть снова.

Себастьян тоже ушел из ее жизни. Как и незнакомец в ландо.

Розелла решительно выбросила из головы обоих мужчин и дернула звонок, вызвав горничную распаковывать вещи.

Глава 2

Весь день Розелла провела в гостинице, потому что хотела оказаться на месте, когда приедет Андрэ Кадель. Чтобы скоротать время, она купила несколько журналов мод, пару романов, а также довольно откровенную книгу о любви, которую мадам Делагранже никогда бы не позволила ей прочесть. Но было очень нелегко развлекать себя чтением, когда за окнами бурлил Париж, вздрагивая и сотрясаясь от скрежета трамваев, стука копыт, криков и неожиданного женского пения на углу отеля.

Снова и снова Розелла откладывала книгу и выходила на балкон, чтобы посмотреть на бесконечный поток транспорта, вдохнуть воздух, в котором тяжелый аромат цветов смешался с запахами лошадиного пота, отбросов, чеснока и лукового супа. Все это создавало особую атмосферу Парижа, придавало городу ни с чем не сравнимое очарование. Со своего удобного пункта наблюдения девушка заметила, что деревья вдоль улицы Риволи были разной высоты: большинство из них посадили взамен срубленных для баррикад меньше десяти лет назад. Это горькое напоминание о прошлых страданиях прекрасного города глубоко тронуло чувствительную душу Розеллы. В воображении возникла яркая картина полуразрушенного города, так отличавшаяся от теперешнего богатства и благополучия.

Гостиничный посыльный, которого направили в контору корабельной компании, вернулся с сообщением, что пароход с Мартиники пришвартовался с небольшим опозданием из-за плохой погоды. Новость ослабила тревогу девушки. Очевидно, ее опекун, утомившись от морского путешествия, решил отдохнуть в Марселе перед переездом в Париж. Естественно, он не видел нужды торопиться, потому что был уверен, что Розелла находится под присмотром скучной, но надежной школьной наставницы. Ему просто не могло бы прийти в голову, что юная особа совсем одна в огромном городе.

Розелла снова просмотрела письмо, хотя уже много раз перечитывала его. Андрэ Кадель перевел деньги на счет в Ротшильд-банке, чтобы она могла воспользоваться кредитом, когда пожелает. Самым главным, по его мнению, было полное обновление ее гардероба. «Безотлагательно». Подчеркнутое выделение этого слова заставило Розеллу решить, что вместо еще одного дня томительного ожидания в отеле она проведет время, выполняя пожелание опекуна и наслаждаясь покупкой новой одежды. Девушка пододвинула стул к секретеру и занялась составлением списка необходимых вещей.

Зная безупречный вкус своего опекуна, Розелла подумала, что лучше всего отправиться в один из самых изысканных Домов мод Парижа. С трепетом она вошла внутрь, болезненно осознавая себя серой церковной мышкой. Но все

ее опасения оказались напрасны. Из-за роскошного письменного стола эпохи Людовика Четырнадцатого поднялась управляющая и поприветствовала посетительницу самым любезным образом. Она уже привыкла подбирать гардероб для молодых богатых девиц, недавних выпускниц монастырских школ, хотя довольно редко они появлялись у нее без сопровождения. Когда после нескольких осторожных вопросов в разговоре прозвучало имя месье Андрэ Каделя, управляющая вызвала наиболее опытную продавщицу и приказала позаботиться о юной покупательнице.

– Сюда, пожалуйста.

Продавщица провела Розеллу в длинную комнату, освещенную канделябрами и обставленную обтянутыми шелком стульями. В венах девушки текло достаточно французской крови, чтобы не удивляться известности имени ее опекуна в Доме мод. Должно быть, во время регулярных посещений Франции ему случалось дарить меха или платья какой-нибудь знакомой даме. Но это не ее дело. В действительности сей факт лишь подтверждал, что она правильно выбрала место для покупки новых нарядов.

Розелла села, любуясь прелестными нарядами, поражающими разнообразием оттенков и изысканностью тканей. Она открыла, что турнюры находятся на пике популярности, и их экстравагантность и причудливость восхитили девушку. Никогда еще мода не была столь женственна, представляя обилие оборок и кружев, лент и рюшей, цветов и тесьмы.

В общем Розелла знала, что идет ей, но продавщица тактично отговорила ее от выбора вечернего платья из темно-розового бархата.

– Это, конечно, ваш цвет, мадемуазель Иствуд, но материал слишком роскошен и кажется довольно... э... не совсем подходящим для молодой девушки.

Розелла нуждалась в хорошем совете. Ей хотелось, чтобы опекун гордился ею и чтобы он ни в малейшей степени не смутился ее безвкусными нарядами.

– Вы имеете в виду, что в бархате я буду выглядеть, как дама полусвета? – спросила девушка с невинным простодушием.

Продавщица слегка поперхнулась.

– Скажем, что он приличен для любой замужней женщины, но носить бархат в вашем возрасте было бы не совсем правильно. – Почти незаметным движением подбородка авторитетная помощница приказала, чтобы вызывающий туалет быстро унесли. – Может, шелковый тюль того же оттенка?

Розелла примерила вечерние наряды, костюмы для визитов, платья на любой час дня и на все случаи жизни. Некоторые подошли отлично, и через час их доставят в отель, другие требовали небольших доработок, а отдельные модели по желанию заказчицы должны быть выполнены из других тканей.

Походы по магазинам длились три дня. В дополнение к

платьям и накидкам Розелла купила костюм для верховой езды и даже купальный костюм с короткой юбочкой и длинными черно-белыми штанишками, кружевное нижнее белье, пеньюары из тончайшего шелка, украшенные вишневыми и абрикосовыми лентами, туфли, высокие ботиночки на шнуровке, атласные бальные тапочки, веера, сумочки и ленты для волос. От различных модисток доставили коробки со шляпами, и среди облаков оберточной папиросной бумаги девушка примеряла их снова и снова, любуясь собой в зеркало над туалетным столиком и думая, что во всем мире нет ничего подобного парижским шляпкам.

Андрэ Кадель одобрит ее покупки. Она уверена в этом, даже если, несмотря на собственные внушительные банковские накопления, после оплаты всех счетов не останется ни франка. Розелла, конечно, не собиралась позволять ему оплачивать ее расходы. Многие годы опекун был более чем щедр, и девушка с нетерпением ждала возможности хотя бы частично вернуть ему моральные долги. Она сделает все, что в ее силах, чтобы хорошо и экономно вести дом, заботиться о его здоровье, создать комфорт и семейный уют в его доме.

Но потом Розелла одернула себя. Что, если она радуется напрасно? Может, опекун не собирается поселить ее под своей крышей? Другая мысль оглушила девушку. Такая тревожная, что у нее задрожали руки, а в зеркале отразилось побледневшее лицо. Она отложила в сторону шляпку с сиреневой отделкой. Вдруг опекун собирается выгодно выдать ее

замуж за какого-нибудь мужчину из хорошей семьи, которого он посчитает подходящей для нее партией! Не по этой ли причине он хочет, чтобы она поскорее избавилась от скучной одежды школьницы и безотлагательно купила себе новые наряды?

Розелла быстро вскочила с табурета перед туалетным столиком и зашагала из конца в конец комнаты, нервно сжимая руки. Боже, почему это не пришло ей в голову раньше? Она была так ослеплена радостью при мысли о скорой встрече с опекуном в Париже, об окончании одиночества, что не подумала о возможности других планов. Для Андрэ стало бы естественным завершением опекунских обязанностей увидеть ее женой надежного мужчины и навсегда сбывать с рук. Он сочтет правильным и вполне приличным, если сам выберет ей мужа, минимально интересуясь ее мнением по этому вопросу: юные французские девушки делают то, что родители или опекуны считают лучшим для них. Подобные браки были каждодневным явлением. Но она не может – нет, не станет выходить замуж за человека, которого не выберет сама!

Ночью Розелла мало спала, напуганная неизвестностью. Мысли о будущем вновь разожгли огонь подсознательного страха, и ей никак не удавалось подавить тревогу, которая угрожала раздавить ее. Она ухватилась за идею заняться покупками, чтобы унять беспокойство, пытаясь убедить себя, что дурные предчувствия, возникшие в последние месяцы

пробывания в пансионе, не имеют никаких оснований. Но что-то было не так. Совсем не так.

Как только рассвело, Розелла оделась и спустилась вниз. В холле собрались несколько ранних приезжих, и все служащие оказались заняты. Когда девушка все-таки подошла к стойке портье, он сказал, не дожидаясь вопроса, который она задавала так много раз:

– Месье Кадель еще не приехал.

Но Розелла хотела еще кое-что узнать.

– Как я могла бы узнать о несчастных случаях на дороге между Марселем и Парижем? Возможно, перевернулся дилижанс. Или произошло какое-нибудь столкновение, в котором пострадали пассажиры.

– Предоставьте это мне, мадемуазель, – живо ответил клерк. – Я наведу справки.

К завтраку Розелла выяснила, что, хотя за последние дни на дороге из Марселя произошло несколько аварий, среди жертв Андрэ Кадель не обнаружен. Тогда где он? Почему не написал ей?

Утро девушка провела в Лувре, рассматривая выдающиеся произведения искусства, но все время в ее голове вертелся один вопрос: как найти Андрэ?

Наконец она прекратила попытки изображать из себя заинтересованного посетителя и присела в одном из залов, чтобы привести в порядок мысли. К кому обратиться? В полицию? Но опекун пришел бы в ярость, если бы к нему с во-

просами явился жандарм, когда он занимался своими личными делами.

А пока Андрэ Кадель словно растворился в воздухе. Розелла вздрогнула, подняла голову и только теперь заметила, что окружена чучелами медведей, волков и других диких животных. Они оскалились в страхе и злобе, как в момент своей насильственной смерти. В падающем из окон свете стеклянные глаза казались живыми. Девушка вскочила на ноги и бросилась из зала. Страх захватил ее в тиски кошмара, которые медленно сжимались.

Когда Розелла вернулась в гостиницу, к ней подошел дежуривший утром портье.

– Возможно, я должен был сказать вам раньше, но сегодня снова заходил господин, желающий увидеться с месье Каделем.

Так значит она ждет не одна! Кто-то еще знает о дате приезда Андрэ в Париж и с нетерпением желает встретиться с ним.

– Как звали этого господина? – быстро спросила Розелла.

– Месье Филипп Обер.

Имя ничего ей не говорило. Она никогда раньше не слышала его и могла только предположить, что это один из многочисленных деловых партнеров ее опекуна.

– Вы сказали ему, что я остановилась здесь?

– Да, но вас не было, а он не захотел ждать. Господин Обер передал письмо для месье Каделя.

— Дайте его мне, — решительно заявила Розелла. — Я должна быть в курсе дел моего опекуна, пока он не приедет.

В номере девушка разорвала конверт, уверенная, что внутри есть адрес, по которому можно связаться с неизвестным господином, но там оказалась только в спешке набросанная на гостиничной бумаге записка. Почерк выдавал волевого и энергичного человека.

«Сожалею, что не застал вас и в этот раз, старина, но я уже откладывал свой отъезд на виллу, и теперь срочные дела требуют моего присутствия там. Я собираюсь успеть на поезд в Орлеан и не вернусь в Париж до осени. Буду счастлив предложить вам и вашей подопечной деревенское гостеприимство, которое лишь в малой доле оплатит то, что я получил в вашем доме на Мартинике. С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом, Филипп Обер.»

Розелла опустила письмо на стол и прижала руку ко лбу. Если бы она не ушла утром в Лувр! Она могла бы доверить свои тревоги Филиппу Оберу и просить его помощи, а вместо этого осталась с короткой запиской, которая не давала ответ, куда направился друг Андрэ Каделя, или хотя бы, где он жил в Париже. Казалось, судьба во всем против нее.

Вечером девушка усилием воли заставила себя переодеться к обеду. Она чувствовала, как беспокойство давит на нее, а внутренний страх растет с каждым мгновением. Розелла решила больше не выходить из отеля. Вдруг кто-нибудь еще будет искать ее.

Она заканчивала укладывать волосы, когда в дверь постучали.

– Открыто, – крикнула Розелла. Вошла горничная.

– К вам гость, мадемуазель. Месье Батальяр.

– Впустите его.

Розелла быстро прошла через комнату и встретила коренастого седого мужчину, который поклонился ей. Он был одет в неброский, но изысканный дорожный костюм, немного помятый и пыльный, свидетельствующий о дальнем и спешном путешествии.

– Мадемуазель Розелла Иствуд? – спросил незнакомец с мрачным выражением на лице. – Я адвокат месье Каделя. Простите за вторжение без предупреждения, но я только что прибыл в Париж и направился прямо к вам. К сожалению, я привез печальные вести.

Девушка побелела, как полотно. Она уже знала, что скажет адвокат.

– Мой опекун умер, – прошептала она. Посетитель с сочувствием склонил голову.

– Это так.

Розелла медленно опустилась в кресло, силы совсем покинули ее.

– Почему вы не послали за мной? Почему не сообщили, что он болен?

Адвокат придвинул стул и сел напротив.

– Это было невозможно. Месье Кадель умер на корабле и

похоронен в море.

– В море! – с болью повторила она.

– Я получил письмо с Мартиники, в котором месье Кадель просил меня приехать на пристань и встретить корабль. Он планировал обсудить со мной несколько срочных спорных дел по дороге в Париж. На борту я увиделся с доктором, который заверил, что для его спасения было сделано все возможное. Мой клиент перенес тяжелый сердечный приступ, после чего скончался, не приходя в сознание. Естественно, мне пришлось осмотреть его имущество и выполнить необходимые формальности, прежде чем заняться поручениями, данными мне некоторое время назад. После его смерти я должен был поехать прямо в Англию и первым сообщить вам о несчастье. Месье Кадель знал, что французские газеты доставляются в пансион, и хотел, чтобы печальное известие не попало вам на глаза до того, как станут известны некоторые факты.

– Вы хотите сказать, что проделали путь до Кента и обратно? – казалось, губы Розеллы окаменели.

– Совершенно верно. Я не предполагал, что вы в Париже, пока не приехал в пансион.

– Должно быть, вы измотаны таким путешествием – Розелла с усилием вспомнила о правилах гостеприимства. Она встала, чтобы позвонить. – Вам необходимо освежиться. Может, немного вина? Или что-нибудь из еды?

– Было бы великолепно выпить бокал вина. Этого доста-

точно. Если позволите, я бы посоветовал и вам сделать глоток. Вы сейчас находитесь в шоковом состоянии, а я еще многое должен рассказать вам.

Через несколько минут принесли вино. Месье Батальяр сделал несколько несущественных замечаний о погоде и своей поездке, но Розелла понимала, что он дает ей время собраться с силами. Ему многое нужно сказать ей. В словах адвоката крылась неясная угроза. С чем ей предстоит столкнуться? Конечно, ничто не может быть хуже новости о смерти опекуна.

Они оба пригубили вино. Девушка заметила, как дрожит ее рука, и поспешно поставила бокал, боясь расплескать темную жидкость.

– Итак, месье Батальяр? – начала Розелла. Она все еще была в состоянии шокового оцепенения, поэтому выглядела совершенно спокойной. – Что я должна услышать?

Он заговорил медленно, настороженно заглядывая в ее глаза.

– Мне поручено сообщить вам, что месье Кадель – больше, чем ваш опекун. Гораздо больше. Существуют кровные и семейные узы, о которых вы никогда не подозревали.

Розелла в недоумении посмотрела на адвоката.

– Что вы имеете в виду? Я всегда знала, что моя мать была с ним в отдаленном родстве.

Выражение лица месье Батальяра не изменилось.

– Она была его дочерью. Единственным ребенком.

Девушка всем телом подалась вперед, вцепившись в подлокотники кресла.

– Боже милостивый! Это правда? Адвокат утвердительно кивнул.

– Андрэ Кадель – ваш дедушка, а вы – его внучка. Его незаконнорожденная внучка.

Потребовалось не больше секунды, чтобы до Розеллы дошел смысл последнего замечания.

– О чем вы говорите? – недоверчиво переспросила она тихим, охрипшим голосом. – Я родилась не в законном браке?

– Сожалею, что вынужден огорчить вас. – Он потянулся к ее стакану. – Выпейте еще немного вина. Это поможет.

Розелла послушно поднесла к губам край тонкого бокала. Сквозь зубы вино просочилось в рот, но ей было трудно проглотить его. Казалось, в горле застрял комок. С огромным усилием она вопросительно пробормотала:

– Мой отец?..

– К несчастью, ваш отец-англичанин, морской капитан Джон Иствуд, был беспринципным негодяем. Когда его корабль зашел на Мартинику, ему удалось завоевать любовь вашей матери и в конце концов убедить ее уехать с ним в Англию. Они сочетались гражданским браком, но Иствуд уже был женат. Затем за несколько недель до вашего рождения он бросил фиктивную жену в одной из портовых лачуг в Плимуте.

Осознав, что умирает, несчастная послала Андрэ Каделю

письмо, умоляя простить ее и позаботиться о единственной внучке. Чтобы вас не затронула скандальная история, месье Кадель решил, что вы должны расти в Англии, считая его своим опекуном. Может, он собирался лично рассказать вам все в подходящий момент, или, возможно, желал, чтобы вы ничего не узнали до его смерти.

– Что произошло с моим отцом? – чуть слышно спросила Розелла, опуская бокал с вином. – Правда, что он умер до моего рождения, или это тоже обман?

– Это абсолютная правда. В шторм его корабль затонул, налетев на скалы у побережья Корнуэлла, и через несколько дней тело вынесло на берег.

Содрогаясь от плача, Розелла закрыла лицо.

– Если бы я только знала, что была внучкой Андрэ Каделя! Я его очень любила, но никогда не чувствовала родственных уз!

– Он поступал, как считал нужным. Подобная скандальная история навсегда лишила бы вас шанса выйти замуж за человека из хорошей семьи, не говоря уже об унижениях, которые вы бы испытывали в детстве, зная истинные обстоятельства своего рождения. Не судите его строго. Его завещание – доказательство его любви к вам. Вы – главная наследница.

Розелла подняла голову и уныло посмотрела на адвоката.

– Я не понимаю.

– Андрэ Кадель оставил вам замок де Луимонт.

Месье Батальяр подумал, что девушка потеряет сознание, так мертвенно побледнело ее лицо, но она сжала кулаки и неистово затрясла головой.

– Нет! Нет! Мне он не нужен! Не хочу иметь ничего общего с тем ужасным местом!

– Мадемуазель! – недоверчиво запротестовал поверенный. – Это один из великолепнейших замков в долине Луары. Деньги, которые вы унаследуете вместе с ним, позволят жить там в роскоши до конца ваших дней.

Но Розелла снова покачала головой и заговорила с трудом, еле сдерживая эмоции.

– Я провела там каникулы шесть – или уже семь? – лет назад. Мой опекун... – она запнулась и поправила себя, – мой дедушка привез меня туда, когда я в очередной раз приехала во Францию на встречу с ним. Он думал, что будет хорошо, если я какое-то время поживу во французской семье, пока дела не позволяли ему заботиться обо мне. Андрэ хотел, чтобы я подружилась с детьми, живущими в замке, трое из четырех были приблизительно моего возраста. Их отец приходился ему дальним родственником. Мне тоже, думаю, хотя тогда я этого не знала. Но я никогда не подозревала, что замок принадлежал дедушке. Я считала, что он их собственность.

– Однако, если вы бывали в замке, почему относитесь к нему с таким отвращением?

Ее глаза потемнели, взгляд стал глубоким и печальным.

– Там я провела самые несчастливые шесть недель в моей жизни!

– Но это случилось много лет назад. Вы были ребенком, не старше десяти-одиннадцати лет. Вас оставили одну, тоскующую по единственному близкому человеку, среди незнакомцев. Теперь все будет совсем по-другому.

– Как по-другому? – упрямо спросила Розелла. – Разве Пьер и Маргарита де Луимонт уже не живут в замке со своими детьми?

– Мадам де Луимонт сейчас вдова. Младшая из двух ее дочерей замужем, но живет по соседству.

– Это, должно быть, Софи. А Луиза?

– Она все еще в замке с матерью. Несколько месяцев в году там живет Жюль де Луимонт. Себастьян управляет помещением, потому что он старший сын.

– Итак, так же, как и раньше, я стану незваной гостьей! – Розелла вскочила на ноги. – Я не приму условий завещания моего дедушки!

– Вы забываете, что сейчас гости Луимонты, а не вы, – напомнил адвокат. – Это ваш дом, они там больше не хозяева.

Она гневно повернулась к собеседнику. – Я не могу выгнать семью из дома, в котором они прожили всю свою жизнь!

– Им повезло, что они занимали замок в течение трех поколений. Это случилось только благодаря вашей прапрабабушке, которая вышла замуж за одного из Каделей, а затем

во время Революции сбежала с ним на Мартинику. Поэтому их ветвь семьи смогла переехать в замок в качестве хранителей.

— Они знают, что поместье завещано мне? Адвокат отрицательно покачал головой.

— Еще нет. Как я уже говорил, вы первая, кто узнал обо всем.

— Тогда я составлю дарственную на имя де Луимонтов! Это можно сделать?

— Нет, нельзя! Пожалуйста, сядьте и послушайте меня.

Розелла повиновалась, но по выражению ее лица Батальяр понял, что она не сдалась.

— С тех пор, как замок был впервые передан по наследству дворянином, который построил его несколько веков назад, он может перейти только, одному из младшего поколения. Вы полноправная владелица, и не важно, желаете вы этого или нет. Более того, последняя воля вашего дедушки состояла в том, чтобы вы поселились там без промедления. И он просит от вас совсем немного в ответ на все то, что сделал для вас.

Девушка не могла ответить. Вправе ли она противиться желанию единственного в мире человека, который заботился о ней? Розелла знала, что нет. И адвокат так удачно подобрал слова, не оставил ей возможности отказаться.

— Ваш дедушка также оговорил в завещании, что вы не должны носить траурные одежды. Однажды он рассказал

мне, как мальчиком был вынужден целый год ходить только в черном, с траурной креповой лентой на шляпе. С тех пор он питал отвращение ко всем публичным проявлениям скорби и желал избавить вас от подобного, когда придет время.

— Но он, видимо, составил завещание, когда я была еще ребенком! — воскликнула Розелла. — Тогда понятно, почему он хотел, чтобы я безотлагательно переехала в замок. Дедушка думал, что месье и мадам де Луимонт смогут позаботиться обо мне. Он не догадывался, как я страдала там.

— Это правда, вы были очень малы, когда ваш дедушка решил оставить замок вам, и, без сомнения, полагал, что вы должны жить в нем, чтобы о вас было кому заботиться. Но хотя месье Кадель написал новое завещание менее восемнадцати месяцев назад, он не изменил пожелание, чтобы вы незамедлительно поселились там. — Адвокат решительно встал. — Мой долг проследить, чтобы выполнялась воля покойного. Сегодня вечером я оплачу ваши гостиничные счета и прикажу подать экипаж завтра в полдень. Я зачитаю вам завещание до отъезда в замок. Там мне придется объяснить обстоятельства дела семейству Луимонтов, но завещание их не касается. Ваш дедушка не оставил им ничего.

Розелла увидела, как утомленно опустились плечи месье Батальера, как устало он потянулся за шляпой. Ради нее бедняга совершил длительное путешествие, и крайне невежливо обвинять его в дедушкиных решениях.

— Вам необходимо ехать со мной завтра? — спросила она. —

Я могу отправиться одна. Мне кажется, будет гораздо лучше предстать перед ними в качестве владелицы замка без вашего присутствия. Вы сможете прибыть через две-три недели. К тому времени Луимонты и я примиримся с необходимостью жить вместе, а вы сгладите проблемы, которые не успеют выявиться в первые дни.

Сощуриив глаза, адвокат внимательно изучал молодую наследницу.

– Если я правильно понял, вы не собираетесь потребовать их переезда?

– Совершенно верно, – решительно ответила девушка. Месье Батальяр помрачнел.

– Надеюсь, когда мы встретимся снова, я смогу убедить вас пересмотреть столь опрометчивое решение.

Розелла подала ему руку.

– Благодарю за все, что вы сделали для меня, и за советы.

Девушка закрыла за адвокатом дверь и прислонилась лбом к прохладной панели. Горе нахлынуло на нее, отодвинув на второй план все мысли о замке и ожидающих ее там неприятностях. Никогда снова она не увидит своего дедушку. Никогда не услышит его голос. Никогда больше они не будут гулять вместе, долго и душевно разговаривать под покровом сгущающихся сумерек. Он ушел от нее в холодную пучину. Он, который так любил Францию, был лишен возможности в последний раз взглянуть на нее.

Рыдания душили Розеллу. Она побрела в спальню, броси-

лась на кровать и плакала, пока не промокла подушка. Сжав в кулачке скомканный носовой платок, девушка погрузилась в беспокойный сон, но ее щеки еще долго оставались влажными от невольно струящихся слез.

Розелла проснулась уже утром. Она торопливо позвонила и попросила горничную собрать вещи и принести завтрак в комнату. Искушавшись, девушка накинула пеньюар и села за стол, но не смогла ничего съесть и решила ограничиться чашечкой кофе.

Служанка поинтересовалась, какой нужно приготовить дорожный костюм. Розелла ответила без колебаний:

– Из алой тафты с рюшами и подходящую в тон шляпу с перьями.

Она знала, что должна правильно поставить себя сразу же с момента появления в замке. Было бы катастрофой предстать в кротком обличий и позволить всем думать, будто ее можно запугивать, дразнить и мучить, как когда-то в прошлом. Луимонты похожи на тигров. Не на диких вольных животных из джунглей, а на затравленных, озлобленных тварей, с которыми нужно быть начеку. Она встретится с ними в ярко-алом наряде, чтобы удержать их на должном расстоянии.

Только одного из них Розелла не боялась – Себастьяна. Но как он отреагирует, когда услышит, что девочка, с которой он когда-то подружился, вернулась, чтобы лишить его крыши над головой?

Когда пришел месье Батальяр, Розелла была готова и ждала. Он зачитал завещание, а затем они обсудили множество возникших вопросов. Даже без замка и прилежащих земель наследница получила прекрасное обеспечение. Она снова умоляла адвоката попытаться найти какую-нибудь лазейку, чтобы избавиться от этого владения, но просьбы не вызвали одобрения исполнительного и строгого поверенного. Наконец, настало время лакеям выносить из номера новые сундуки.

Розелла опустила вуаль, чтобы скрыть припухшие после ночных слез глаза, и вместе с адвокатом медленно спустилась вниз, куда уже подали экипаж.

– Очень скоро мы встретимся с вами в замке де Луимонт, – пообещал месье Батальяр. – Надеюсь найти вас примирившейся с вашим новым жилищем.

– Никогда! – страстно заявила Розелла.

Он сурово посмотрел на девушку, стараясь скрыть раздражение, и помог ей подняться в карету. Затем адвокат заговорил с ней через открытое окно, чувствуя, что обязан дать еще один полезный совет.

– В данный момент я вижу только один путь, по которому вы с чистой совестью сможете поселиться где-нибудь в другом месте.

Розелла наклонилась к нему.

– Какой это путь?

– Вступить в брак, мадемуазель Иствуд. Долг жены следо-

вать за мужем. Ваш дедушка не оговорил других способов.

Она разочарованно отпрянула назад и холодно взглянула на адвоката из-под черной вуали.

— Уверена, что когда мы встретимся в следующий раз, найдется лучшее предложение по решению этой проблемы, сэр. Я не собираюсь связывать себя на всю жизнь с первым встречным мужчиной. Должны быть другие пути к отступлению. Полагаюсь на ваше умение отыскать хотя бы один. Прощайте, месье Батальяр!

Экипаж тронулся, застучали копыта, заскрипела сбруя. Итак, путешествие в замок де Луимонт началось. С отчаянием Розелла подумала, что только небеса знают, какой прием ожидает ее там.

Глава 3

Долгая, изматывающая поездка с остановками на ночлег в придорожных гостиницах подходила к концу. Розелла никогда не чувствовала себя такой одинокой. Она поняла, что не в состоянии оценить чудесные пейзажи и великолепие Луары, которая спокойно и лениво несла свои воды. Каждая миля приближала ее к внушающему ужас месту. Девушка невольно сравнивала теперешнее настроение с весельем и возбуждением, которые нарастали с каждым верстовым столбом по дороге из Кале в Париж, когда даже серое небо не могло омрачить ее радость. Те низкие темные тучи были предзнаменованием трагических событий. Розелла размышляла об этом, безразлично глядя на залитые солнцем зеленые виноградники, зеленеющие луга и цветущие сады. Карета легко катилась по ровной прямой дороге, вдоль которой выстроились высокие стройные тополя.

Девушка увидела множество замков, расположенных на склонах и вершинах холмов. Маленькими башенками и остроконечными крышами они напоминали игрушки или театральные декорации, но Розелла не обращала на них особого внимания. В другое время средневековые крепости и роскошные особняки прошлого столетия полностью захватили бы ее воображение.

Когда карета переезжала через мост, внезапно перед ней

предстала великолепная картина извилистой, словно лента, реки с загадочными серебристыми, заросшими ивняком островами. За окном мелькали деревни, фермы, старинные городки, где обветшалые дома, казалось, подпирали друг друга, а над ними возвышался величавый древний собор или церковь. По ночам сквозь гостиничные окна Розелла видела черный бархат неба с мерцающими в недосыгаемой дали звездами, а днем воздух был настолько сияюще прозрачен, что придавал ни с чем не сравнимую глубину и своеобразие постоянно меняющемуся пейзажу. Когда-то Розелла думала, что никогда не вернется в эти места. Теперь долина Луары должна стать ее домом.

Карета въехала в маленький торговый город, который сразу же ей вспомнился. Однажды Розелла пришла сюда одна, чтобы отослать письмо Андрэ Каделю. Она хотела очутиться подальше от замка и всех его обитателей, но когда обнаружили ее исчезновение, началась погоня. В итоге ей запретили выходить куда-либо без сопровождения. Почтовый ящик висел на том же углу кафе, где Розелла сидела под тентом и пила горячий шоколад. В письме девочка ни словом не обмолвилась о страданиях и мучениях, которые она испытывала под крышей замка, но сдержанно написала о страстном желании увидеть вновь своего благодетеля. Ведь его возвращение означало бы конец адских каникул, которые начинались, как праздник. Только о Себастьене она вспоминала с радостью.

Розелла откинулась на спинку сиденья, пытаясь восстановить в памяти черты Себастьяна. Она почитала его, словно героя. Нет, даже больше. Она любила его. Он один встал между нею и ужасами замка.

Остались позади предместья торгового городка. По обеим сторонам дороги вырос густой лес, и девушка отвернула голову, чтобы не видеть появившийся над верхушками деревьев замок. Еще будет достаточно времени насмотреться на него. Она нервно запахнула накидку и достала из сумочки маленькое зеркало.

На лице, казалось, не осталось ни кровинки, но это можно поправить запрещенным в школе способом. Розелла открыла крошечную коробочку румян и мягкими прикосновениями нанесла ароматную краску на обе щеки. Взглянув еще раз в зеркало, она осталась довольна. Так-то лучше. Глаза смотрели настороженно, однако с этим ничего не поделаешь. Оставалось только постараться успокоиться. Девушка облизала губы, убрала зеркальце и натянула на руки белые перчатки. Дорога свернула к огромным железным воротам, которые уже открывал пожилой привратник. Она приехала.

Когда карета проезжала мимо привратника, он безразлично взглянул на девушку, готовый снова закрыть створки решетки. Розелла не знала его. Старый Марсель, должно быть, больше не служил здесь.

Колеса закрипели по посыпанной гравием подъездной дороге. До замка осталась еще целая миля. Девушка уже за-

была, как красив окружавший замок парк. Деревья, лужайки, затененное плакучими ивами озеро с парой белых лебедей, резные скамейки вдоль берега. Но Розелла не ощущала гордости, оглядывая свои новые владения. Сердце начало болезненно сжиматься, страх сковал душу.

Огромные буки, окаймлявшие дорогу, расступились, и перед путешественницей вырос во всем своем величии готический замок. Словно роскошный персидский ковер, вокруг раскинулись цветочные клумбы и подстриженные зеленые лужайки. Старые каменные стены были увиты плющом, а по обе стороны от входа в кадках стояли, будто верные стражи, апельсиновые деревья, охраняя дом. Высокие цилиндрические башни заканчивались остроконечными плитками цвета охры. Темные башенные окна, узкие, как кошачьи глаза, смотрели на все стороны света. Замок производил впечатление уютного жилища. Без сомнения, его обитатели заботливо ухаживали за ним, но красивый фасад был обманчив. Розелла знала, что внутри скрыто черное и злое сердце.

Карета остановилась. Один из грумов спрыгнул, чтобы помочь девушке выйти, а другой взбежал по каменным ступеням и позвонил в колокольчик. Почти тотчас же дубовая дверь распахнулась, и на пороге появился незнакомый Розелле слуга.

– Я желаю увидеть мадам де Луимонт, – сказала она, проходя в дом. – Скажите ей, что здесь мадемуазель Розелла Иствуд.

– Я узнаю, принимает ли мадам, – ответил слуга, вопросительно глядя на внушительный выгружаемый багаж. Когда Розелла закончила делать покупки, ей пришлось приобрести три новых сундука и несколько коробок для шляп.

Ее провели в приемную, но девушка была слишком взволнована, чтобы сесть. Она шагала через комнату, к окну и обратно, и глубоко дышала, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Медленно тянулись минута за минутой. Розелла снова подошла к окну и стала смотреть на парк, нервно при-топывая ногой и чувствуя легкое недомогание. Ей хотелось, чтобы это ужасное испытание поскорее закончилось.

Наконец вернулся слуга.

– Мадам де Луимонт примет вас, мадемуазель, в садовой комнате. Сюда, пожалуйста.

Она знала дорогу, но подумала, что лучше ничего не говорить. Дворецкий повел ее через великолепный холл. В отделанных лазуритом нишах стояли мраморные статуи, высокие колонны поддерживали галерею, на которую вела огромная, роскошно отделанная лестница. Голубой потолок был расписан фигурами резвящихся нимф и сатиров; в те далекие дни раскованность их поз оказалась вне понимания маленькой девочки, но хрустальная, сделанная в виде водопада люстра восхищала уже тогда.

Они проходили коридор за коридором, и Розелла замечала, где переставлены стулья и диваны. Девушку очень удивило, что она помнит столь незначительные детали. Затем дво-

рецкий распахнул двери и назвал ее имя.

Розелла шагнула из темного коридора в залитое солнцем помещение, куда солнечные лучи проникали сквозь стеклянный потолок, отражаясь от выложенного разноцветными мраморными плитами пола. Алый костюм девушки на фоне бледно-зеленых стен вспыхнул, как настоящее пламя, словно среди железной кованой мебели появилась живая роза. Перо на ее шляпе задорно раскачивалось, будто оно жило своей собственной жизнью.

Розелла увидела трех женщин из семейства Луимонтов, окруженных кадками с пальмами и папоротниками и горшками с одуряюще ароматными экзотическими цветами. Они являли собой живописную картину, и все благодаря прекрасным платьям в мягких серых, фиолетовых и лиловых тонах. Розелла сразу же прочитала на лицах Луизы и Софи, которые стояли за креслом матери, откровенную враждебность. Но мадам Маргарита де Луимонт казалась скорее бесстрастной и замкнутой, чем открыто недоброжелательной.

– Розелла! Неужели это действительно ты? – спросила она, манерно повысив голос, и вскинула худую руку. Упавший на кольца солнечный луч разлетелся снопом радужных искр.

– Действительно я, мадам де Луимонт. – Розелла вежливо наклонила голову, но осталась на месте. – Я не послала сообщение о своем приезде, но на то была причина, и я все объясню.

– Прошло столько лет. – Маргарита говорила словно сама с собой, углубившись в собственные воспоминания, будто не слышала слов гостыи. Она встала, шурша шелками, и шагнула навстречу Розелле. – Как ты выросла, детка. И уже больше не ребенок. Напротив, симпатичная барышня. Как летит время.

Но хотя кожа Маргариты стала более дряблой, а на лбу и вокруг рта появились морщины, время обошлось с ней милостиво. Она все еще оставалась привлекательной женщиной, несмотря на то, что ее лицо казалось нервно напряжено. Бледно-голубые глаза излучали нежный свет, а копну роскошных каштановых волос едва тронула седина. Высокая изящная прическа подчеркивала стройность шеи. У нее были тонкие, хрупкие кости родовой французской аристократки, а все ее движения отличались легкостью и грацией.

Непринужденным жестом Маргарита указала на своих дочерей, которые продолжали стоять с каменными лицами.

– Ты, конечно, помнишь Луизу и Софи. Как вы дружили в детстве! Тем летом, когда ты гостила у нас, у меня будто появилась третья дочь.

Розелла осталась безмолвна. Невероятно, что бы мать абсолютно ничего не знала об истинном положении дел, но светская жизнь Маргариты в те времена оставляла ей мало времени узнать, чем живет ее семья.

Молчание Розеллы осталось незамеченным. Маргарита повернулась в другую сторону, бросив одну из своих неуло-

вимо-сладких улыбок. Розелла поняла, что в комнате есть кто-то еще. Итак, она и дамы семейства де Луимонт были не одни.

– Подойдите и поприветствуйте Розеллу, – пригласила Маргарита со странным, озабоченным видом.

Розелла медленно повернула голову, следуя за змеиным взглядом Маргариты. Вне поля ее зрения, наполовину скрытый кадками с пальмами, стоял мужчина, который наблюдал за ней с тех пор, как девушка вошла в комнату. Все время. С одобрением. Когда он подошел ближе, Розелла поняла, что это не Себастьян и не Жюль, которых она ожидала увидеть. Это был незнакомец, который с такой бесстыдной наглостью глазел на нее в отеле «Лувр», а потом из открытого ландо. Розелла с изумлением почувствовала, как краска заливает ей щеки, но ее удивление после того, как их представили друг другу, только возросло.

– Этот господин прошлым летом стал нашим соседом, – сказала Маргарита, объясняя его присутствие. – И теперь он снова вернулся... как весенние ласточки. Позволь представить тебе месье Филиппа Обера. Филипп – мадемуазель Розелла Иствуд.

– Очень рад, мадемуазель. – Он был серьезен. Голос казался глубоким и искренним, хотя в устремленных на нее глазах светился тот же живой интерес.

Филипп Обер! Человек, который оставил записку ее девушке. Именно его адрес она надеялась узнать.

– Месье Обер! – произнесла Розелла, запнувшись. – Ваше письмо к Андрэ Каделю. Я прочитала его. Проходили дни, я ничего не знала об Андрэ и начала отчаянно беспокоиться. Я думала, вы могли бы помочь мне решить, что делать. Но вы уже покинули Париж.

– Мне хотелось побыстрее поселиться на моей здешней вилле, – серьезно ответил он. – И я решил, что ждать больше ни к чему. Если помните, я собирался в ближайшем будущем развлечь вас и Андрэ, тогда же на досуге можно было бы обсудить все деловые вопросы. Теперь я глубоко сожалею, что не отложил отъезд из Парижа. По крайней мере я мог бы помочь, когда стало известно, что мы с вами ждали его напрасно.

Филипп увидел, как она вздрогнула от его слов. Он скользнул глазами по ее алой накидке и изысканной шляпке, затем наклонил голову, чтобы взглянуть ей в глаза. Его вопрос выражал неподдельную заботу.

– Вы знаете, что случилось с ним, не так ли? Розелла поняла, что так как она не в трауре, месье Обер посчитал, будто ей еще не известно о смерти Андрэ Каделя. Однако девушка не могла понять, откуда он узнал о ее тяжелой утрате.

– Трагическую новость мне сообщил в Париже его адвокат, – объяснила Розелла. – Но как вам стало известно об этом?

Впервые заговорила Луиза. Ее голос разнесся по всей комнате.

– Мы рассказали ему! Вчера мы узнали, что кузен Андрэ умер в море. Жюль прочитал некролог в марсельской газете недельной давности. Разве ты не заметила, что татап, Софи и я одеты в платья траурных тонов? Должна сказать, я нахожу вызывающим твой бесстыдный наряд.

Розелла не спасовала.

– Такова воля Андрэ Каделя. Он не хотел, чтобы по нему носили траур.

– Неужели? – Большие, глубоко посаженные под черными бровями глаза Луизы потемнели от неистовой злобы. Хотя чертами и фигурой она походила на мать, у Луизы было страстное лицо, отражающее ее бурный темперамент: широкие скулы, прекрасной формы нос с миндалевидными ноздрями, всегда готовыми задрожать в негодовании, полные, изящно изогнутые красные губы. – Тогда тебе надо держаться подальше от тех, кто не может не отметить трауром уход родственника. – Тон Луизы стал агрессивным. – В любом случае, зачем ты приехала? Хотя старик и заботился о тебе все эти годы, но здесь тебе нечем поживиться!

– Тихо! – Маргарита возбужденно повернулась к старшей дочери. – Нельзя так разговаривать с Розеллой.

– Я не согласна, татап! – резко возразила Луиза. – Она нежеланная гостя, которая приехала без приглашения! Не повредит внести немного ясности.

Филипп смущенно нахмурился и потер руки.

– Я здесь лишний. Мне не следует присутствовать...

Он направился к двери, ведущей в сад, но Луиза преградила ему дорогу и схватила обеими руками его руку.

– Не уходи! – воскликнула она. – Я хочу, чтобы ты остался. Твой отец и мать были близкими друзьями кузена Андрэ на Мартинике. Ты знал его всю свою жизнь. Разве не ты стал его доверенным деловым представителем в Париже в последние годы? – Луиза отпустила Филиппа и злобно уставилась на Розеллу, хотя продолжала обращаться к нему. – Скажи мне, Филипп, на Карибах есть стервятники с алым оперением, которые слетаются, чтобы поживиться легкой добычей?

Подтекст ее слов был безошибочно ясен, горек и ядовит. Филипп поднял на собеседницу глаза и ответил, тщательно подбирая слова.

– Нет, Луиза. Я не знаю ни об одном. Но есть много попугаев, которые визгливо кричат, часто без всякой причины.

Она вспыхнула, встретившись с его взглядом, и отвернулась.

– Это нечестно! – угрюмо заявила Луиза.

– Филипп, ты не можешь обвинять Луизу из-за того, что она расстроена, – вступилась за сестру Софи. Она с интересом наблюдала за происходящим, стоя позади кресла матери и положив ладонь на высокую спинку.

В отличие от Луизы, худощавой женщины с маленькой высокой грудью, Софи была мягче и круглее, более тяжела в движениях. Ее фигура привлекала модной полнотой. Вьющиеся волосы, не такие темные, как у сестры, но приятно-

го каштанового цвета, обрамляли овальное лицо с зелено-вато-серыми глазами, маленьким капризным ртом, тонкими губами и надменно вздернутым носом.

– Ты должен понять, что за всю жизнь Розелла только однажды приезжала в замок, – продолжала Софи. – Зачем ей совершенно неожиданно появляться теперь, если не для того, чтобы выпросить какой-нибудь подарок из тех вещей, что кузен Андрэ время от времени оставлял здесь? Так всегда происходит когда кто-то умирает. Дальние родственники слетаются, словно хищники... А Розелла даже не приходилась родней кузену Андрэ!

Филипп пожал плечами и засунул руки в карманы куртки с поясом.

– Могу я предложить, чтобы вы спросили мадемуазель Розеллу, почему она приехала?

Луиза чопорно поджала губы. Казалось, она жалела о вспышке гнева в присутствии Филиппа и пыталась теперь вести себя, как подобает благовоспитанной даме.

– Итак, Розелла, что привело тебя снова во Францию? – цинично спросила Луиза. – Возможно, я была не права, поспешив делать выводы. Позволь нам узнать, чем объясняется твой неожиданный визит.

Розелла глубоко вздохнула. Пришло время все объяснить, и как бы неприятно это ни было, ей нельзя выказать и тени слабости или робости.

– То, что я должна сообщить, придется вам не по вкусу.

Наверное, это будет большой неожиданностью для вас. Ан-дрэ Кадель завещал замок де Луимонт, земли и имущество мне.

Все уставились на нее. Воцарилась тишина. Три женщины смотрели на нее с недоверием, слишком ошеломленные, чтобы говорить. Затем постепенно на их лицах появилось выражение жуткого страха. Маргарита де Луимонт внезапно сдавленно зарыдала. Она покачнулась и рухнула бы на пол, если бы Филипп не рванулся вовремя вперед, чтобы подхватить ее и усадить в кресло. Обе дочери кинулись помогать ей: Софи растирала запястья, а Луиза достала из парчовой сумочки, лежавшей на столе недалеко от кресла, ароматическую соль и поднесла ее к носу матери.

Когда Маргарита пришла в себя, отвернув голову от едкого запаха, Луиза забормотала ободряющие слова, показывая, что привычна к приступам изысканных страданий своей матери и знает, что они неподдельны. Филипп наклонился и осторожно положил ноги Маргариты на низкую скамеечку, Софи подоткнула под ослабшую голову мягкую подушку. Розелла с глубокой печалью заметила, что большие нежные глаза Маргариты остекленели. Мадам де Луимонт была шокирована новостью и на какое-то время потеряла способность воспринимать происходящее.

Луиза, все еще склонившись над матерью и поддерживая ее безвольную руку, через плечо свирепо взглянула на Розеллу.

– Этого не может быть! – гневно заявила она, отвечая на разрушительное сообщение Розеллы, словно всеобщее внимание не отвлек обморок Маргариты. – Себастьян является наследником Андрэ Каделя! Он должен получить замок и все угодья. Ты даже не член семьи! Ты не можешь ни на что претендовать.

Розелла сильно побледнела.

– Андрэ Кадель был моим дедушкой, – как можно спокойнее постаралась произнести она.

– Твоим дедушкой? – недоверчивым эхом отозвалась Луиза. – Но он не мог! Ты лжешь! Он имел единственную дочь, и она никогда не выходила замуж. Она умерла молодой. – Ее глаза сузились. – Если только не...?

– Моя мать сбежала с Мартиники с англичанином, который дедушке не нравился. Родители состояли в незаконном браке. Я осталась сиротой. Чтобы убереечь меня от скандала, дедушка решил, что я должна расти в Кенте. Возможно, он хотел, чтобы я никогда не узнала правду о нашем родстве. Если бы я вышла замуж, без сомнения, замок перешел бы Себастьяну, ведь тогда не потребовалось бы завещать мне недвижимость, и я никогда не узнала бы, что была внучкой Андрэ Каделя.

– В таком случае, что же кузен Андрэ оставил нам? – потребовала ответа Софи. От ярости на ее щеках проступили багровые пятна.

Розелла неохотно ответила:

– Его адвокат, месье Батальяр, прочитал мне завещание. Там есть различные распоряжения, но ваши имена не упоминаются.

– Никто из нас? Даже татап? – закричала Софи. – Совершенно ничего Себастьяну?

Розелла отрицательно покачала головой. Софи издала долгий стон и прижала скрещенные руки к груди, будто получила физический удар.

– Дьявол! Чертов старый скряга!

Луиза вскочила и заметалась по комнате, пытаясь сдерживать бушующие в ней эмоции.

– Невероятно! Подумать только, быть выгнанными из нашего дома посторонним человеком! Я не потерплю этого! Я не могу это вынести!

Розелла шагнула к ней.

– Я не собираюсь просить вас покинуть дом. У меня будут собственные комнаты, и мы сможем жить под одной крышей. Нужно договориться о подходящих условиях. Адвокат моего дедушки месье Батальяр придет через неделю-другую и урегулирует возможные трудности.

– Звучит разумно, – заметил Филипп.

– Разумно? – взорвалась Софи, пронзительно взвизгнув от оскорбления. – А что случится, когда Розелла выйдет замуж? Что тогда будет с моей семьей? У меня-то есть собственный дом в городе, а их выселят, как нищих?

– Уверяю тебя, у меня и в мыслях нет выходить замуж в

обозримом будущем, – терпеливо сказала Розелла. – Но если бы я вступила в брак, это естественным образом освободило бы меня от обязательств жить в замке.

Выражение лица Софи не изменилось.

– Однако логично предположить, что твой будущий муж будет думать не так, как ты, и решит сделать замок своим домом. Никто в здравом уме не променяет такой дворец на что-нибудь еще.

– Это, конечно, зависит от мужа, которого выберет Розелла. – Дружелюбный мужской голос раздался из-за двери, ведущей в сад.

Там стоял Жюль, прислонившись плечом к косяку. Он вырос высоким и худым. Жюль тоже унаследовал красоту от матери, но в каждом из отпрысков де Луимонтов чувствовалась жестокость характера, доставшаяся от отца, который был безжалостным, деспотичным человеком, отличавшимся ужасной гордыней и неукротимым нравом. Сейчас, рассматривая лицо Жюля, Розелла не могла оценить, смягчили ли прошедшие годы его натуру. Наверное, он заметил в ее глазах настороженную неуверенность. Жюль с широкой улыбкой направился к девушке, словно стараясь завоевать доверие, которого не было прежде.

– Простила ли ты меня за юношеские преступления? – покаянно спросил он, взял ее руку и поднес к губам. – Я вел себя, как ужасное чудовище. Что там происходило? Мертвая кошка в постели или паук за пазухой?

– И то, и другое! – ответила Розелла с неприязнью.

Она плакала над кошкой. Горько. Это была одна из кухонных кошек, с которой Розелла подружилась. Без сомнения, бедное животное выбрали именно по этой причине. Жюль и две его сестры с недетской настойчивостью делали все возможное, чтобы изолировать девочку от любых дружеских контактов. Они завидовали ей, так же как и завидовали друг другу. Но в то лето они развлекались тем, что нашли общую мишень для вымещения злобы.

– Признаюсь, я совершил множество преступлений. – Жюль довольно захихикал. Потом он внезапно стукнул себя по лбу. – Боже мой! Я все вспомнил! Те времена вернулись ко мне! Мы прыгнули на тебя из темноты, а ты чуть с ума не сошла от страха. Однажды ночью я положил тебе на подушку череп из библиотеки. – Он разразился раскатистым хохотом. – Но после этого мне самому пришлось испугаться. Отец задал мне взбучку, которую я никогда не забуду. И за то, что прикоснулся к его собственности в библиотеке, и за приставания к тебе.

– Неужели он сделал это? Никогда не знала. Я только помню, что находилась в ужасе от твоих шуток все время, пока была здесь.

– Не удивлен. После случая с черепом отец отправился в одну из своих длинных деловых поездок, и я мог свободно изводить тебя, не опасаясь наказания. Даже в те дни мама всегда разрешала нам идти своим путем.

Розелла молча согласилась со словами Жюля. Маргарита де Луимонт уделяла внимание только Себастьяну, ее любимому ребенку, и многие люди могли бы поверить, что он единственный сын, потому что остальные трое видели мать очень редко. Возможно, их неуправляемое поведение, из-за которого учителя и гувернантки сменялись с монотонной регулярностью, было всего лишь отчаянной просьбой о любви и внимании. Даже в том, как сейчас две сестры ухаживали за потерявшей сознание матерью, ощущалась доля соперничества.

В этот момент Луиза оставила Маргариту на попечении Софи и с презрением набросилась на брата.

– Жюль! Как ты можешь – болтать о прошлом с такой беспечностью, словно Розелла просто наносит светский визит? Ты ведь осознаешь, что произошло, не так ли? Полагаю, в твою эгоистическую голову проник смысл случившегося! Кузен Андрэ не оставил нам ничего! Ни франка! Это не поможет оплатить твои счета, так ведь? Или возратить долги!

Жюль взглянул на Луизу без заметного раздражения, пропустив мимо ушей ее язвительные замечания.

– В отличие от тебя, дорогая сестра, я никогда не делю шкуру убитого медведя. Старый Кадель всегда не любил меня. Почему он должен был оставить мне что-нибудь? Себастьян – другое дело. Кажется, он всегда был золотым мальчиком. Кстати, где он? Уже знает?

– Нет еще. Он куда-то уехал. Может, Себастьян придума-

ет, что делать. Вероятно, мы должны опротестовать завещание.

Софи наигранно застонала и всплеснула руками.

– Только ты могла сделать столь идиотское предложение! На что мы бы опирались? Даже я понимаю это. Никогда не существовало никаких бумаг, чтобы защитить нас от такого поворота дел. Как нам конкурировать с кровной родственницей старика, даже если ее принесли в подоле!

– Что за неделикатное выражение! – насмешливо упрекнул Жюль. – Твой буржуа-муж сильно расстроился бы, окажись он здесь. Или ему уже известно, какой ты можешь быть, когда разрушают твои планы?

Розеллу поразило, что все осталось по-прежнему. Постоянные перебранки. Никто никогда не согласится с другим. Ничто не изменилось.

Маргарита де Луимонт наконец собралась с силами и огромным усилием воли заставила себя встать, сделав протестующий жест, когда дочери хотели помочь ей.

– Довольно. Пожалуйста. От всего этого шума раскалывается голова. – Она стояла одна, слегка неуверенно, но с поразительным достоинством. Повернувшись к Розелле, Маргарита продолжила: – Ты здесь новая хозяйка. Удивительная смена обстоятельств, но ты должна научиться держать бразды правления, как сделала это я, когда была в твоем возрасте и невестой пришла в замок. – Она рассеяно огляделась вокруг. – Что еще я должна сказать? О, да. Какие комнаты ты

пожелаешь? Их так много. — Маргарита кончиками пальцев коснулась висков и беспомощно добавила: — Глупо, правда? Но я не помню, сколько.

Луиза и Софи обменялись взглядами и поспешили стать рядом с ней.

— Не беспокойтесь, тамап, — утешительно произнесла Луиза. — Пойдите и отдохните. Софи отведет вас прилечь ненадолго. Я прослежу, чтобы Розелла устроилась.

Но неожиданная новость, казалось, лишила Маргариту способности ходить, и снова Филипп быстро рванулся вперед и поддержал ослабевшую женщину.

— Позвольте мне помочь вам, мадам де Луимонт. Шагайте вместе со мной. Вот так, правильно. Медленно. Прекрасно!

Софи побежала открывать дверь из цветного стекла. Втроем они вышли в коридор и скрылись из виду. Прежде чем повернуться к Розелле, Луиза издала долгий вздох.

— Итак, ты слышала, что сказала тамап? Какие комнаты ты хочешь?

Розелла ответила без колебаний.

— В крыле западной башни. Если помнишь, я спала там, когда приехала в первый раз. Хочу, чтобы та спальня снова стала моей.

Она собиралась сделать все для победы над страхом к замку. Лучше всего будет, если начать с той комнаты, в которой ей пришлось страдать в детстве.

Луиза удивленно вскинула брови, а Жюль весело фырк-

нул.

– Думаешь, я снова положу тебе на подушку череп? – поддразнил он, но не зло.

– Глупой проделкой сейчас меня не напугаешь, – спокойно парировала Розелла.

– Ты должна знать, что крыло было закрыто некоторое время, – сказала Луиза, словно желая переубедить Розеллу. – Трудно поддерживать в полном порядке все апартаменты замка.

– Я не хочу других комнат, – решительно заявила Розелла. Впервые она использовала свою новую власть. – Пусть крыло откроют для меня.

Луиза презрительно пожала плечами.

– Как пожелаешь. – Она подошла к кнопке звонка на стене и нажала на нее пальцем.

Домоправительница, представительная женщина с суровым лицом и черными блестящими волосами, была слишком хорошо вышколена, чтобы хоть чем-то выдать удивление, когда Луиза сообщила ей, что мадемуазель Розелла стала новой хозяйкой замка. Но ее глаза засверкали от любопытства. Свое повиновение она выразила уважительным реверансом и использованием учтивого обращения «мадам» по отношению к молоденькой Розелле. Они направились в западное крыло. При каждом шаге экономки на ее поясе позвякивала огромная связка ключей.

Слугам было приказано принести из холла багаж Розел-

лы. Следуя за домоправительницей по парадной лестнице, девушка обернулась на разбиравших сундуки мужчин, но не увидела ни одного знакомого лица. В прошлом некоторые из домашней прислуги дружески относились к ней, сочувствуя незавидному положению сироты. Однажды повар спрятал ее среди корзин с овощами, когда две сестры и Жюль гнались за бедняжкой, размахивая дохлыми крысами, которых держали за хвосты.

Розелле стало интересно, все ли слуги новые. Казалось, именно так, но какова причина? Многие гордились тем, что годами служили Пьеру де Луимонту, а перед ними их отцы трудились на благо отца и деда хозяина.

Когда они подошли к двойным дверям западного крыла, экономка выбрала ключ и вставила его в замок.

– Все покрыто чехлами от пыли, мадам, – предупредила женщина, прежде чем пройти в темные покои, в которые не проникал солнечный свет сквозь закрытые ставни. – Но это не значит, что западное крыло замка оставлено без внимания. Здесь слишком много прекрасной мебели и ценных ковров, чтобы рисковать. Ведь могут появиться моль и древесные жучки. Крыло полностью убиралось менее месяца назад.

Тем не менее в апартаментах пахло затхлостью.

По одну сторону коридора, ведущего в башню, находились запертые двери в нежилые комнаты, по другую – высокие окна с закрытыми изнутри ставнями. Обогнав новую хозяйку и экономку, вперед кинулась молоденькая горничная

и распахнула некоторые ставни, чтобы можно было видеть дорогу. В результате свет и тени смешались, из-за сквозняка драпированные занавески из кремового шелка зашевелились, словно приведения. На фоне солнечных лучей стала хорошо заметна взметнувшаяся пыль.

– В крыле две спальни, – сказала экономка, не подозревая, что Розелле это известно. – Какую вы выберете, мадам? Розовую, которая больше и выходит окнами во внутренний двор, или голубую, в которую можно попасть из гостевого салона?

– Никакую, – ответила Розелла со слабой улыбкой. – Вы забыли упомянуть комнату в башне. Она отлично подойдет мне.

Домоправительница скользнула по девушке взглядом, полным удивленного любопытства.

– Как пожелаете, мадам.

Ступеньки винтовой лестницы круто поднимались вверх. Слуги, пыхтя и отдуваясь, несли багаж Розеллы. Им с трудом удавалось не повредить прекрасные ореховые панели, больше двух веков скрывавшие средневековые каменные стены, от обитых медью углов тяжелых сундуков.

Экономка остановилась отдышаться, а Розелла скользнула мимо нее в круглую башенную комнату. В щели ставен пробивались полоски света. Девушка открыла задвижку, и со страшным грохотом деревянные створки разлетелись в стороны. Потом она пошире распахнула окно, чтобы чистый,

свежий деревенский воздух наполнил комнату.

Розелла очень хорошо помнила вид из этого окна. Повсюду лужайки и цветники, густой парк скрывает где-то вдалеке стену, ограничивающую владения замка. Еще дальше среди листвы возвышается серая крыша виллы, единственного соседнего жилища. Наверное, это и есть резиденция Филиппа Обера. И на сколько хватало глаз под голубым небом на пологих холмах раскинулись зеленые виноградники, поля и леса. Городок лежал в нескольких километрах левее и не был виден из западной башни. Розелле хотелось рискнуть и высунуться из окна, чтобы взглянуть на великолепную Луару, но она не осмелилась из-за головокружительной высоты.

Повернувшись, Розелла стала наблюдать, как экономка стирала пыль. Слуги принесли багаж и удалились. Позже, когда комнату приведут в порядок, надо будет распаковать сундуки. Ей придется подумать, где найти горничную. Розелла с огорчением поняла, что ей следовало привезти ее из Парижа, но там на поиски просто не хватило времени.

Башенная комната оказалась меньше, чем она помнила. Великолепие стиля рококо как-то поблекло и обветшало. Все вокруг напоминало круглую клетку для птиц. Лепные толстопузые херувимы расположились по краю потолка, поддерживая цветочные алебастровые гирлянды, которые обрамляли панели, отделанные розовым дамасским шелком. В изысканных канделябрах стояли свечи, не зажигавшиеся, кажется, очень давно. Розелла с интересом подумала, не для

нее ли они последний раз горели семь лет назад. Тогда, впервые увидев комнату детскими глазами, она была очарована и чувствовала себя принцессой в сказочной башне, но это ощущение длилось недолго. Вскоре стало казаться, что она заперта в тюрьме.

Розелла распахнула накидку, приоткрыв платье из алой тафты, и подошла к туалетному столику, красиво задрапированному шелком цвета слоновой кости. Она села перед вращающимся зеркалом и медленно сняла шляпу.

– Почему закрыли западное крыло? – осторожно спросила девушка, приводя в порядок прическу. – Когда я приезжала сюда в прошлый раз, все комнаты были открыты.

Экономка застыла с тряпкой в руке и метнула на новую хозяйку быстрый взгляд.

– Так, наверно, было несколько лет назад, еще при жизни прежнего месье де Луимонта. Мне рассказывали, что он всегда держал все комнаты открытыми и готовыми к приему гостей. Похоже, он и мадам де Луимонт в те времена жили на широкую ногу. У месье Себастьяна более практичный склад ума. Он приказал закрыть западное крыло, чтобы сэкономить средства и труд.

Женщина собрала чехлы и приготвилась уходить.

– Болтают еще много всяких глупостей. Из-за легенды, связанной с этим крылом, трудно было заставить местных девушек хорошенько убирать здесь. Они вечно норовили удрать отсюда. Вот почему сейчас не нанимают слуг из бли-

жайших деревень. Мне не нужны эти глупости, я беру на работу только порядочных девушек издалека. – Не добившись от Розеллы ожидаемой реакции, домоправительница решила подтолкнуть ее вопросом. – Если вы и прежде останавливались в замке, полагаю, вам известна легенда?

– Конечно, – отрывисто ответила Розелла бесстрастным тоном, что и положило конец дальнейшему разговору на эту тему. Она намеренно перевела беседу в более земное русло, договорившись, что покинет комнату на час, когда приведет себя в порядок после поездки. Служанки должны будут приготовить постель, распаковать вещи и оставить кругом безупречную чистоту.

Экономка вышла из комнаты и спустилась вниз по каменным ступеням. Эхо от ее шагов замерло вдали. Тишину нарушало только щебетание птиц за окном. Где-то залаяла собака, потом откуда-то донесся гул сельскохозяйственных машин. Розелла оперлась руками о туалетный столик и невидящим взглядом уставилась на свое отражение, погрузившись в раздумья.

У нее была веская причина помнить легенду башни, но она отбросила мрачные мысли, вызвав в памяти только предание о красивой жене дворянина, жившего в замке в пятнадцатом веке. Он отправился на войну, а в его отсутствие замок захватил неприятель. Вокруг грабили, насиловали и убивали. Его жена спряталась в западной башне. Мародеры не раскрыли ее убежище. Но когда вражеские солдаты ушли,

оставив смерть и разрушения, дама не смогла найти выход из башни. Крики о помощи остались неслышанными. Немногие остались в живых, но они убежали в лес, спасаясь из горящих хижин. Как прекрасная птица билась дама о стены, отчаянно пытаясь вырваться на волю. Тщетно. Когда наконец солнечные лучи заиграли на оружии и копьях вернувшихся воинов, дама лежала мертвая на полу своей высокой и ужасной клетки.

По спине Розеллы пробежал холодок. Она повернулась на табурете, чтобы окинуть взглядом комнату, и подумала, кто из прошлых владельцев стремился стереть средневековый ужас легенды с помощью роскошного убранства. Однако иллюзия комнаты без дверей сохранилась, так как ручки были хитроумно спрятаны среди алебастровых украшений, чтобы не испортить симметрию. Но где же дверь?

Розелла поднялась и встала в центре комнаты, оглядываясь кругом и осознавая, что ее охватывает паника. Девушка попыталась хладнокровно подавить это чувство. В детстве ей приходилось привязывать к дверной ручке ленту для волос, чтобы найти ее с первого взгляда, ведь однажды – совсем как дама из легенды – она истерически билась о стены, не в силах найти выход.

А! Дверь там! Она вспомнила это сейчас. Розелла целеустремленно направилась к одной из панелей, нашла ручку и распахнула дверь. Но оказалось, что это стенной шкаф. Девушка быстро закрыла его и прислонилась лбом к панели.

«Не бери в голову! – сказала она себе. – Успокойся. Держи себя в руках и сориентируйся. Рядом со стенным шкафом находится средневековая гардеробная, которую превратили в элегантную ванную комнату, так?»»

Ей противно было видеть, как слегка дрожала рука, пока она разыскивала потайную ручку. Нашла. Повернула. Да. Она права. Розовая эмаль ванны, кувшин, фарфоровый таз освещались светом из узкого окна.

Розелла медленно продвигалась вдоль стен, кончиками пальцев ощупывая завитушки гирлянд. Когда откуда-то снаружи раздался стук, она не смогла определить точно направление звука, впервые осознав странности акустики. Девушка вернулась к кровати, напряженно ожидая, какая панель откроется.

– Войдите, – произнесла она и затаила дыхание.

Дверь отворилась совершенно не там, где ожидала Розелла. В комнату вошла молодая горничная с кувшином горячей воды, мылом и чистыми полотенцами.

– Меня прислала домоправительница, мадам, – ее произношение выдавало жительницу отдаленной руанской провинции.

Розелла кивнула, позволяя девушке пройти в ванную комнату. Видимо, служанка боялась расплескать воду, поэтому двигалась с величавой осторожностью.

Когда Розелла снова осталась одна, она взяла алую шляпу, в которой приехала из Парижа, вытащила красивое перо

и привязала его к дверной ручке. При виде яркого пятна на фоне светлого Дамаска Розелла облегченно вздохнула. Никогда больше не потеряет она выхода из башенной комнаты.

Улыбаясь ощущению безопасности, девушка отступила назад и про себя посмеялась над этой маленькой предосторожностью. Перо должно остаться единственной уступкой старым страхам, но даже его нужно снять, когда она научится безошибочно ориентироваться. Она больше не запуганный ребенок, а хозяйка замка де Луимонт. Неважно, что ей пришлось не по своей воле вернуться сюда. Она должна вынести все с достоинством и мужеством!

Глава 4

Когда спустя четверть часа Розелла спустилась из башенной комнаты, в западном крыле уже всю кипела работа. Служанки сняли с мебели чехлы и чистили, мыли, полировали все вокруг.

Через лабиринт коридоров девушка прошла к открытой площадке наверху главной лестницы. Здесь вполне можно было бы устроить бал. В нишах полукруглой галереи стояли бархатные диванчики и кресла. Казалось, эти альковы больше подошли бы любовникам, ищущим уединения, чем ценителям искусства, рассматривающим изысканные образцы мебели.

Розелла неосознанно бросила в сторону ниши настороженный взгляд, вспомнив, как часто в прошлом Жюль прыгал на нее из темноты с пронзительным криком, заставляя визжать от страха. Неудивительно, что нервы ее расшатаны, и ее легко довести до истерического состояния, в котором она улавливала звуки, неслышные для других. Жуткие вопли рождены ее собственной болезненной фантазией. Конечно же, это только ее воображение. Сейчас Розелла убеждена в этом, и ее уверенность – первый шаг на пути к преодолению чувства отвращения к замку и всему, что с ним связано.

Девушка, накинув на плечи кружевную шаль, направилась к лестнице. Она решила прогуляться в саду, пока башенную

комнату приводят в порядок. После долгого путешествия в карете ей нужно размяться. Поддерживая одной рукой шуршащую юбку алого платья и положив другую на перила из красного дерева, Розелла спускалась по изогнутой лестнице и рассматривала великолепное убранство холла. Там никого не было, и у нее оказалось достаточно времени, чтобы полюбоваться роскошным интерьером.

Она уже стояла на последней ступеньке, как вдруг распахнулась одна из огромных входных дверей, и на пороге появился мужчина. На солнечный квадрат на полу упала его длинная тень. Он закрыл дверь и, не заметив девушку, прошел в холл. Мужчина стянул перчатки, снял шляпу и положил их на стул.

Розелла стояла, чуть дыша. Она мгновенно узнала своего дорогого Себастьяна. Он стал выше и шире в плечах, но она узнала бы его среди тысяч других и через тысячу лет. Эти черные взъерошенные волосы, отливающие синеватым блеском. Это красивое лицо с гладкой оливковой кожей. Эти глаза с густыми пушистыми ресницами. И темные нежные глаза, которые в любую секунду могут взглянуть на нее. Она не в силах ждать!

– Себастьян! – окликнула его Розелла.

Он обернулся, удивленный тем, что неожиданно услышал свое имя. Девушка прочитала на его лице выражение смущенного недоумения и поняла, что он не узнал ее.

– Я так изменилась? – спросила она, радостно смеясь, и

шагнула ему навстречу.

В глазах Себастьяна вспыхнула недоверчивая догадка, а затем лицо просияло от удовольствия.

– Розелла! Возможно ли, что это ты? Очаровательный маленький утенок превратился в прекрасного лебедя!

Ей хотелось броситься в его объятия, как той ночью, когда она в ужасе мчалась из комнаты в башне, но не в поисках защиты, а чтобы его спокойный голос победил ее страхи. Теперь Розелла не чувствовала испуга, только ликование. Не было нужды лгать себе. В ней вновь пробудилась любовь.

– Как я рада снова увидеть тебя! – радостно воскликнула Розелла.

– Могу повторить то же самое! – Он поймал ее руки и наклонился, чтобы поцеловать в обе щеки.

От счастья Розелла на мгновение прикрыла глаза, но, когда Себастьян поднял голову, вновь восторженно посмотрела на него. Он продолжал держать ее пальцы, и в лихорадочном возбуждении девушка забыла обо всем, кроме, наверное, того, что теперь они встретились, как равные. Она больше не ребенок рядом с долговязым юношей, а женщина, способная привлекать, околдовывать, покорять. И кроме восхищения, загоревшегося в его глазах, Розелла уловила более глубокий взгляд, который вознес ее на вершину надежды и блаженства. От счастья у нее закружилась голова, как от шампанского.

– Господи, что ты здесь делаешь? – Его улыбка ослепляла

Розеллу. – Никто не сказал мне, что ты приедешь. Полагаю, адвокаты кузена Андрэ послали за тобой. Плохо, что он умер в море, но я уверен, когда прочтут завещание, выяснится, что он хорошо обеспечил твое будущее. – Себастьен нахмурился, заметив страдание в ее глазах. Он почувствовал, как в его руках задрожали тонкие пальцы, но Розелла сейчас же высвободилась и отступила на шаг. – Бедная маленькая Розелла, – нежно произнес он. – Ты очень любила Андрэ, не так ли? Прости меня. Я слишком резко говорю о его смерти.

Девушка беспомощно покачала головой, пытаясь найти нужные слова.

– Дело не только в этом. Есть еще кое-что. Ей хотелось смягчить удар, который предстояло нанести Себастьену, но она не знала, как сделать это. Пока Розелла колебалась, откуда-то сверху раздался насмешливый хохот. Они оба подняли головы. На лестнице стояла Луиза, презрительная ухмылка искривила ее губы.

– Ну, Розелла, чего язык прикусила? – язвительно, воскликнула она. – Посмотри на нее хорошенько, Себастьен! Не обманывайся устроенным спектаклем. Она твой враг. Гадюка, принеся злые вести.

– Что ты себе позволяешь? – закричал Себастьен, рассерженный на сестру и обеспокоенный смущением Розеллы. – Скажи мне...

Но Розелле не дали шанса объясниться. Луиза кинулась вниз по лестнице, крича на бегу.

– Ты остался без замка – вот что она должна рассказать тебе. И фактически без гроша. В этом доме не будут зачитывать завещание Андрэ Каделя. Розелла его наследница. Он был ее дедом! Ты слышишь, дедом! И не оставил нам ничего. Перед тобой стоит новая владелица замка де Луимонт и всех его земель.

Реакция Себастьяна на грубо объявленную сестрой новость разбила сердце Розеллы. Он стал абсолютно белым, невероятно, нечеловечески белым. Его глаза медленно сузились, метнув на нее убийственно холодный взгляд. На виске неистово забилась голубая жилка.

В ледящем душу молчании, более невыносимом, чем все, что он мог бы сказать, Себастьян попятился от нее. В немой мольбе Розелла протянула к нему руки, но, ослепленный раздражением, он отвернулся и направился к двери, через которую недавно вошел. Случайно он ударился бедром о столик, на котором стояла высокая китайская ваза. Взяв ее, Себастьян с размаху бросил ее на пол. Красные, изумрудные, бирюзовые кусочки фарфора разлетелись во все стороны. Даже не взглянув на дело своих рук, он распахнул дверь и бросился на улицу.

Розелла стояла ошеломленная, словно приросла к полу. Луиза в ярости воскликнула:

– Боже мой! Что он натворил? Мамап обожала эту вазу. О, этот сумасшедший характер. Можно ее склеить? – Она подняла один осколок, потом другой, давя остальные ногами

и уныло причитая: — Вы только посмотрите! Вазу невозможно восстановить!

Розелла едва слышала тираду Луизы. Бессознательно она подошла к открытой двери и увидела, как Себастьян большими шагами пересекает лужайку перед замком. Голова опущена, руки в карманах. Он будто убегал от невыносимой боли. Розелла испытывала ту же боль. Страдания Себастьяна были и ее страданиями.

Ее вела какая-то неведомая ей сила. Розелла выскользнула за дверь, спустилась по каменным ступеням, вышла из прохлады тенистого сводчатого прохода на солнце. Защищая ладонью глаза, она наблюдала, как Себастьян направился через сад с розами к парку. Розелла не могла позволить ему размышлять в одиночестве о несчастье, постигшем его семью. Она должна пойти к нему!

Себастьян двигался быстро, не замечая, что девушка старается догнать его. Она бросилась бежать, но длинное платье мешало ей.

Розелла углубилась в парк с отчаянной надеждой, что не потеряет Себастьяна из виду. Она хотела крикнуть, чтобы он остановился, но не осмелилась. Девушка цеплялась за ветки деревьев и кусты ежевики, колючки вытягивали нитки из ее нарядного платья. Ее волосы растрепались. Шаль соскользнула с плеч, но она даже не заметила этого. При каждом шаге высокие белые ботинки погружались в сырой ковер прошлогодних листьев. Два раза Розелла спотыкалась и падала на

колени, а однажды даже уткнулась лицом в грязь, но всякий раз поднималась и бежала снова.

Себастьян остановился на берегу кристально чистой речушки, которая огибала парк вокруг замка и через несколько миль впадала в Луару. Услышав треск веток, он обернулся и увидел, как Розелла, словно яркая птичка, пробирается сквозь заросли. Себастьян шагнул в сторону и, укрытый огромным каштаном, стал ждать ее. Девушка думала, что потеряла след, но, даже совсем запыхавшись, продолжала идти. Она нагнулась, чтобы проскользнуть под низкой веткой.

Вдруг ветка неожиданно поднялась, и Розелла застыла от изумления. Себастьян опустил руку, ветка вернулась на прежнее место, и молодые люди очутились вдвоем в маленьком зелено-золотом укрытии из светящейся на солнце листвы. Несчастная Розелла увидела сверкание его глаз, сжатые в струнку дрожащие губы, с трудом удерживающие гневные проклятья.

– Зачем ты идешь за мной? – резко спросил Себастьян. – Никто бы не осмелился.

– Я... Я хотела быть с тобой, – тихо призналась девушка.

– Ты поступила безрассудно смело! Думаю, я решусь убить тебя в этом тихом уголке. – Он придал своим словам драматическую выразительность, угрожающе махнув рукой в дюйме от ее лица.

Розелла закусила дрожащую губу и съежилась, хотя и не могла поверить, что он выполнит свою угрозу. Она поня-

ла, что пришло время рассказать правду с откровенностью и прямоотой, невозможной в замке среди любопытных ушей семьи и слуг. Розелла распрямила плечи, подняла подбородок, желая показать, что не струсила, но неосознанно нервно положила руку на шею.

– Если бы это было возможно, я бы сию же секунду подписала документы на твое владение замком. Я не хочу становиться его хозяйкой. Я ненавижу его. Однажды я сказала тебе, что не желаю видеть его снова, и время ни на йоту не изменило моего мнения. Замок должен быть твоим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.